

УДК 94(470)«16/18»

Е.А. Ростовец

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА 1884 ГОДА
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ***

E.A. Rostovtsev

UNIVERSITY REFORM IN 1884 IN ST. PETERSBURG UNIVERSITY

Аннотация

В статье проанализированы основные последствия введения в действие университетского устава 1884 года в Санкт-Петербургском университете. Рассмотрен характер взаимоотношений власти, министра народного просвещения И.Д. Делянова и университетской корпорации Петербурга в 1880-е годы.

Ключевые слова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ И ВЛАСТЬ, ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1884 ГОДА, И.Д. ДЕЛЯНОВ.

Abstract

University Reform of 1884 in St. Petersburg University The article considered the basic implications of the university statute 1884 at St. Petersburg University studied the relationship authorities, ministry I.D.Delyanov and the university corporation Capital University in the 1880s.

Keywords

ST. PETERSBURG UNIVERSITY, THE ACADEMIC COMMUNITY AND RUSSIAN AUTHORITIES, HISTORY OF HIGHER EDUCATION, UNIVERSITY STATUTE OF 1884, DELYANOV.

Университетский устав 1884 года традиционно рассматривается в литературе как один из важнейших актов так называемых контрреформ [См., например: 1, 2]. Это мнение основывается на том, что законодательно права Совета университета и факультетских советов были значительно урезаны, а «права» попечителя и Министерства народного просвещения (МНП) соответственно расширены. Министр отныне не только стал назначать ректоров и деканов университетов, но и получил права назначения профессоров без консультаций с Советом. Любые изменения в составе университетских

кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т. п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа [3, стлб. 986]. Однако долгое время в литературе без внимания оставался вопрос: насколько существенными (и болезненными для корпораций) были реальные изменения в университетской жизни, в частности в жизни столичного университета?

Для преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета основной проблемой осени – зимы 1884 года был перевод бывших доцентов в разряд экстраординарных профессоров. Для большинства доцентов она была решена

*Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2), ГК № 14.740.11.1112.

удачно: в ноябре 1884 года профессорами стали бывшие доценты И.В. Помяловский, В.Г. Васильевский, Е.Е. Замысловский, И.Е. Троицкий, П.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов, А.В. Прахов и приват-доцент В.К. Ернштедт (историко-филологический факультет), доценты С.А. Бершадский, Л.В. Дорн, Н.Д. Сергеевский, С.А. Ведров, В.А. Лебедев (юридический факультет), В.Д. Смирнов, А.М. Позднеев, Н.И. Веселовский (восточный факультет) [4, № 31, с. 31–33]; в январе 1885 года – С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков (физико-математический факультет) [5, № 32, с. 5–6]. Таким образом, большинство доцентов повысило свой социальный статус и улучшило материальное положение. Не повезло только трем доцентам, выведенным в ходе реформы за штат: И.А. Шебору (историко-филологический факультет) и Д.А. Пешурову (восточный факультет) – их министр затруднился произвести в профессора по новому уставу как не имеющих магистерской степени, а также А.А. Цагарели – для него как для «наиболее молодого из доцентов» также не оказалось профессуры, потому что по восточному факультету, к которому он принадлежал, число доцентов превышало количество профессорских вакансий на 3 (!) человека [4, № 31, с. 32].

Больше всего от устава 1884 года пострадал факультет восточных языков, где, согласно уставу 1863 года, было 9 профессур и 8 доцентур. По новому уставу количество профессур на нем сохранилось, а штатные доцентуры были упразднены. И, хотя эти доцентуры ранее не замещались в полном комплекте, а в ходе реформы министерство пошло на увеличение штатных профессур сверх установленной численности, именно факультет восточных языков был особенно возмущен ее результатами. Позицию совета этого факультета поддержал Профессорский совет университета, предложивший увеличить штат факультета до 14 профессоров [6, № 35, с. 65–68]. Хотя МНП и не пошло на законодательное расширение штатов, требования корпорации были учтены. Уже к концу 1885/86 учебного года магистр А.А. Цагарели был произведен в профессора [7, № 35, с. 158]. Сложнее дело обстояло с Д.А. Пешуровым, по своему первоначальному образованию являвшимся математиком, а не синологом, и имевшим магистерскую диссертацию по астрономии, но и он в 1890 году стал «и. д. экстраор-

динарного профессора» [8, с. 11]. Таким образом, решительно пострадал только И.А. Шебор, который, однако, продолжал занимать своеобразное привилегированное положение в корпорации, будучи единственным (после ухода из университета в 1886 году И.В. Ягича) преподавателем (не считая лекторов иностранных языков), родившимся и получившим начальное образование за границей (в Богемии). К тому же основным местом службы для И.А. Шебора оставался не университет, а Историко-филологический институт, где отсутствие научной степени не мешало ему исполнять должность профессора [9, т. 2, с. 339]. Итак, в ходе реформы корпорация скорее «приобретала», нежели «теряла», как в карьерном отношении, так и в финансовом смысле (с точки зрения увеличения содержания).

Следует отметить, что вопреки распространенному мнению практика выборов профессоров оставалась в столичном университете неизменной: за все время действия этой нормы нового устава (до 1905 года) только один профессор оказался назначен подобным образом, остальные прошли факультетские выборы. В этой связи показателен ответ министра И.Д. Делянова одному из кандидатов, просивших о назначении на профессорский пост в столичном университете: «Нет, батенька, вы уж лучше проведите свою кандидатуру через петербургский (соответственный) факультет: этого факультета я и сам боюсь» [Цит. по: 10, с. 201]. Так, например, И.М. Гревс, лишенный профессорства после событий 1899 года и уволенный из университета, в 1901 году «единогласным мнением» историко-филологического факультета был рекомендован к возвращению на место профессора, в связи с чем последовало ходатайство ректора в министерство, и Гревс получил «назначение» на должность профессора. Своеобразным компромиссом с МНП служил уже сам факт «избранного им способа назначения» (т. е. по формальному распоряжению министра), на что особо указывал в своем письме к попечителю учебного округа ректор А.Х. Гольмстен [11, л. 22–22 об.].

Даже в отношении магистратур, которые по новому уставу замещались исключительно по решению МНП, переход от выборов к системе назначений был мягким. Примечательно, что последний «выборный» ректор И.Е. Андре-

евский был переназначен в сентябре 1884 года [12, с. 7] и оставался на своей должности вплоть до скандала с разоблачением в 1887 году действовавшей под прикрытием университета революционно-террористической группировки во главе с А.И. Ульяновым. Более того, последние два года работы в университете Андреевский совмещал с директорством в Археологическом институте. Также со временем, согласно нормам нового устава, были «переназначены» и деканы всех четырех факультетов: историко-филологического (В.И. Ламанский), физико-математического (Н.А. Меншуткин), юридического (Ю.Э. Янсон), восточных языков (В.П. Васильев) [Там же]. В.И. Ламанский, получивший отставку «согласно его прошению» уже через год, был смещен первым «назначенцем» М.И. Владиславлевым [7, № 33, с. 43]. События 1887 года по-разному сказались на судьбах деканов: если для Н.А. Меншуткина и Ю.Э. Янсона, на факультетах которых учились «террористы», они означали отставку, то для М.И. Владиславлева, напротив, развитие карьеры. Он сменил на посту ректора И.Е. Андреевского, покинувшего также «согласно прошению» и должность «заслуженного профессора» (причем ему была назначена пенсия в 3000 рублей, т. е. в размере полного оклада) [13, № 37, с. 5]. Место декана историко-филологического факультета занял И.В. Помяловский, декана физико-математического факультета – С.П. Глазенап [14, с. 11], который, впрочем, быстро отказался от должности (летом 1888 года его сменил профессор А.В. Советов) [15, № 39, с. 5]. В.П. Васильев же оставался деканом факультета восточных языков до 1893 года, т. е. до своего 75-летия, затем его сменил «назначенец» В.Р. Розен [10, с. 235]. Таким образом, смена на административных должностях избранных профессоров «профессорами-назначенцами» проходила постепенно, была вполне объяснима в глазах профессорской коллегии в каждом конкретном случае. Следует подчеркнуть, что все перечисленные «назначенцы», равно как и последующие назначенные ректоры (П.В. Никитин, В.И. Сергеевич, А.Х. Гольмстен, А.М. Жданов) и деканы (Н.Д. Сергеевский, С.Ф. Платонов), в свое время были избраны профессорами соответствующим факультетским советом и Советом университета. Очевидно, что возможность назначения профессоров, упразднение доцентуры и даже

практика назначения на административные должности не изменили закрытого корпоративного характера профессорской коллегии, что, в свою очередь, предопределяло известную солидарность в позиции по важнейшим вопросам университетской политики.

Поскольку издание нового университетского устава, одобренного Александром III 23 августа 1884 года, фактически совпало с началом учебного года, введение в действие его основных положений, связанных с новой системой преподавания, было отложено МНП до 1885/86 учебного года [4, с. 15–21].

Совет университета сразу же вступил в полемику с министром относительно Правил составления и предоставления обзоров преподавания и распределения лекций и практических занятий со студентами [7, № 33, с. 3–12; 16]. Однако настоящий конфликт развернулся в ходе введения в действие в следующем учебном году подготовленных правил об испытаниях в государственных комиссиях, правил о зачете полугодий и примерных новых учебных планах, «спущенных» министерством университетским Советам в августе 1885 года. Противостояние тянулось около двух лет – до мая 1887 года [См., например: 7, с. 3–12, 20–25, 46].

Основное требование заявлений министра, с которыми он вновь и вновь обращался к Совету, заключалось в увеличении числа практических занятий. По словам И.Д. Делянова, «в высшей степени важно привлечение студентов к деятельному с их стороны усвоению предлагаемого научного материала... и должно достигаться как с помощью возможного усиления в преподавании элемента практических упражнений в аудиториях и в учебно-вспомогательных учреждениях университета» [Там же. С. 25]. Средством для введения практических занятий на многолюдных факультетах министр как раз видел систему полугодовых курсов, гонорара и приват-доцентуры, которая «дает возможность группировки студентов на немногочисленные аудитории и устройства параллельных курсов» [Там же. С. 26].

К ноябрю 1885 года выяснилось, что все факультеты университета в практике своей работы решительно отходят от требований министерства [Там же. С. 46–54]. И.Д. Делянов был вынужден провести специальное совещание с участием ректора, деканов и ряда профессоров

[7, № 33, с. 47]. Надо отметить, что министр входил в детальное обсуждение не только учебных планов, но и вопросов, касавшихся расписания занятий. Так, в январе 1886 года он потребовал изменения расписания занятий во втором полугодии 1885/86 учебного года на том основании, что оно не соответствовало примечанию к § 3 министерских правил о составлении обозрений преподавания, согласно которому лекции преподавателей по одной кафедре не могли назначаться в одни и те же часы. «Между тем, — сообщал министр, — правило это нарушено в понедельник от 2 до 3 часов, во вторник от 1 до 2 часов, в среду от 10 до 11 и от 2 до 3 часов, в четверг от 11 до 12 часов» [5, № 34, с. 5]. Впоследствии он продолжал директивным порядком переставлять часы профессорских лекций [См., например: 6, № 35, с. 40–41].

В первом семестре 1886/87 учебного года МНП продолжило наращивать методические усилия, обрушив на голову профессоров целую лавину замечаний. Почему для студентов первого семестра нет курса зоологии? Нельзя ли вместо него применить курс о беспозвоночных животных профессора Вагнера? Почему вместо систематического курса анатомии дается только курс о системе нервов и сосудов (т. е. изложение последних разделов анатомии)? Почему на физико-математическом факультете лекции по предметам, «пригодным для студентов одного и того же семестра, совпадают»? Почему при курсе технической химии профессора Любавина не обозначено, будет ли в этом курсе изложена вся наука или только известная ее часть? Почему количество часов прозектора Фортунатова по практической анатомии «слишком неопределенно» (министерство понимает, «что практические занятия по анатомии существенно зависят от получаемого материала, тем не менее дни и число часов для этих занятий могут быть заранее определены, причем в случаях недостатка материала студенты могут быть каждый раз предупреждаемы об этом особенными объявлениями на дверях анатомического кабинета... в случаях недостатка трупов прозектор может производить в часы, назначенные для практических занятий по анатомии, весьма полезные занятия со студентами по готовым препаратам»? Почему профессора Люгебиль и Ламанский вместо 6-часовой нормы приняли на себя четыре и пять лекций? Почему ряд профессоров включили

в эту норму совещательные часы? Почему «по иным предметам нет точного указания на объем курса, который предположительно прочесть в данное полугодие? Например, в курсе русской литературы, читаемом профессором Миллером, значится: „История русской литературы — 4 лекции, русская народная словесность — 2 лекции“, но какие отделы этих наук составляют предмет чтения, не обозначено». Почему специальные курсы по тем или иным областям знаний вводятся тогда, когда еще не прочитаны (или не читаются) общие курсы? Ряд этих и других вопросов сопровождался многочисленными указаниями. Например, профессору Никитину рекомендовалось точно указывать названия пособий для своего курса; приват-доценту Зелинскому — указывать, для какого конкретно отделения он проводит занятия по древним языкам; профессорам Васильевскому и Прахову — указать, что такие-то читаемые ими курсы являются продолжением предшествующих; профессору Вредену — дополнить название своего курса «Политическая экономия (физиология хозяйства)» словами «производство и его результаты» и пр. [Там же. С. 8–11].

Одновременно для изменения уже утвержденных часов проведения конкретных лекций университет был вынужден официальным порядком вносить этот вопрос на личное рассмотрение министра [См., например: Там же. С. 41]. Вскоре министр стал сверять поданные ему для утверждения обозрения преподавания с оригинальными заявлениями преподавателей и отмечать малейшие несоответствия, например в названиях рекомендуемых пособий [См., например: 17, № 36, с. 8]. Не ускользали от внимания министра и типографские ошибки: в частности, в одном из циркуляров И.Д. Делянов иронически замечал: «...относительно приват-доцента Фортунатова указано, что он будет излагать „внутренности органов чувств“, между тем как в действительности он намерен излагать: „внутренности и органы чувств“, т. е. учение о внутренностях и об органах чувств» [Там же. С. 9].

Однако критический анализ факультетских обозрений со стороны министра не ограничивался лишь формальными моментами. И.Д. Делянов вникал в сами формулировки учебного плана. Не оставлял вниманием министр и анализ списков рекомендованной литературы.

Приведем характерный критический пассаж одного из министерских циркуляров (январь 1886 года): «Юридический факультет предполагает предложить для домашнего чтения студентам второго семестра, между прочим, по политической экономии учебник профессора Вредена и сочинение Рошера „Начало народного хозяйства“, т. I, в переводе Бабста. По мнению г. Министра, при существовании в русском переводе такого капитального труда, как сочинение Рошера, сим последним могло бы быть ограничено чтение по политической экономии и одновременное занятие двумя учебниками было бы излишним. Само собой разумеется, что капитальное сочинение Рошера должно быть предпочтено другому» [5, № 34, с. 5]. Данное указание министра выглядело особенно вызывающе, поскольку профессор Э.Р. Вреден, собственно, и читал курс политической экономии. Юридический факультет, впрочем, только частично выполнил распоряжение министра, рекомендовав на следующий год только одну книгу на русском языке — пособие Э.Р. Вредена, дав также указание и на последнее полное немецкое издание труда В.Г. Рошера [18, с. 34–35].

В условиях методического противостояния министерства и университета своеобразным ответом на претензии МНП стали требования профессуры о резком увеличении бюджетных ассигнований на деятельность университетских лабораторий и оплату труда научно-вспомогательного персонала в связи с увеличением числа практических занятий согласно нормам нового устава. В августе 1886 года на заседании Совета были обнародованы заявления ведущих профессоров: А.В. Советова, И.М. Сеченова, Н.П. Вагнера, А.С. Фаминицына, А.Н. Бекетова, Ф.Ф. Петрушевского, В.В. Докучаева, А.А. Иностранцева, Ю.Э. Янсона, в которых констатировалось, что в рамках существующего министерского финансирования университет не в состоянии «правильно установить практические занятия» в таком количестве, которое «студенты вправе требовать» и которое «отвечает экзаменационным требованиям» [6, № 35, с. 26–33]. Ответственность за невозможность организации преподавания в соответствии с требованиями закона, таким образом, перелгалась на МНП.

В связи с начавшимся противостоянием профессорской коллегии и МНП нельзя не от-

метить, что ректоры и деканы-«назначенцы» оказались в сложном положении. Это обстоятельство самым очевидным образом проявилось уже первые годы после начала действия положений нового устава, когда корпорация в ряде случаев открыто выступала против действий назначенцев, в частности М.И. Владиславлева [См., например: 19, с. 225; 20, с. 41; 1, с. 171]. Интересно, что ректорство философа М.И. Владиславлева способствовало постепенному отступлению министерства от прежнего диктата в гуманитарных дисциплинах. По словам А.И. Введенского, в период ректорства Владиславлева фактически заменившего его на кафедре философии, он «энергично содействовал переработке программ историко-филологического факультета, введенных с 1884 года, что имело особое значение для участи философии: по программам 1884 года ее преподавание было ограничено лишь изучением учений Платона и Аристотеля; с переменой же этих программ преподавание ее было восстановлено в том же объеме, как оно велось и раньше с 1863 года» [9, т. 1, с. 155; ср.: 21, с. 174]. Надо сказать, что М.И. Владиславлев вообще был достаточно активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации. Именно при ректоре-«назначенце» усилия корпорации, направленные на отстаивание своей академической независимости от министерства, в конце концов увенчались успехом и по другим направлениям: МНП на рубеже 1880–1890-х годов стало в автоматическом режиме утверждать факультетские «Обозрения преподавания» и отказалось от практики утверждения обозрения на каждое полугодие; практически в полном объеме была возобновлена и система полукурсовых испытаний на всех четырех факультетах (историко-филологическом, юридическом, физико-математическом, восточных языков) [См.: 22, № 44, с. 6–7; 23, № 45, с. 7–8]. Иными словами, была фактически восстановлена прежняя система преподавания. Можно сказать, что с конца 1880-х годов министерство фактически отказалось от практики мелочного контроля за научной и учебной сторонами преподавания в столичном университете.

Таким образом, хотя на факультетскую структуру устав 1884 года повлиял незначительно, на первых порах после его введения МНП попыталось воспользоваться положениями но-

вого устава для создания своеобразной «директивной системы» управления преподаванием в университете. В этих условиях университетской профессуре было жизненно необходимо сохранить характер самопополняемой коллегии, а Профессорскому совету – оставаться основным органом принятия решений по важнейшим

вопросам университетской жизни. Следует отметить, что Совет университета в целом успешно решил обе эти задачи. В результате к концу 1880-х годов реальная автономия университета стала шире, что, в свою очередь, стало одной из важных предпосылок университетских потрясений начала XX века [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Щетинина, Г.И.** Университеты России и устав 1884 года [Текст] / Г.И. Щетинина. – М., 1976.
2. **Ростовцев, Е.А.** Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии [Текст] / Е.А. Ростовцев, Д.А. Баринев, А.В. Кривоноженко, И.В. Сидорчук // Клио. – 2012. – № 7. – С. 47–62.
3. **Устав Императорских Российских университетов 1884 года** [Текст] // Сб. постановлений М-ва нар. просвещения. – СПб., 1893. – Т. IX, 1884.
4. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–85 академического года [Текст]. – СПб., 1885.
5. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–86 академического года [Текст]. – СПб., 1886.
6. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–87 академического года [Текст]. – СПб., 1887.
7. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–86 академического года [Текст]. – СПб., 1886.
8. **Отчет** Санкт-Петербургского университета за 1890 год [Текст]. – СПб., 1891.
9. **Биографический** словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894 [Текст]. – СПб., 1896–1898.
10. **275 лет.** Санкт-Петербургский государственный университет [Текст] / сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; под ред. Л.А. Вербицкой. – Летопись 1724–1999. – СПб., 1999.
11. **Ректор** – МНП. 4 октября 1901 года. № 201. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
12. **Отчет** С.-Петербургского университета за 1884 год [Текст]. – СПб., 1885.
13. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–88 академического года [Текст]. – СПб., 1888.
14. **Отчет** С.-Петербургского университета за 1887 год [Текст]. – СПб., 1888.
15. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 года [Текст]. – СПб., 1889.
16. **Представления** деканов факультетов и мнения профессоров по запросу Министерства народного просвещения о зачете полугодий, о гонораре доцентов и других вопросах устава 1884 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 386.
17. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887 академического года [Текст]. – СПб., 1887.
18. **Обозрение** преподавания наук в С.-Петербургском университете на второе полугодие 1886–87 учебного года [Текст]. – СПб., 1887.
19. **Георгиевский, А.** Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков [Текст] / А. Георгиевский. – СПб., 1890.
20. **Макареня, А.А.** Д.И. Менделеев и Петербургский университет [Текст] / А.А. Макареня, И.Н. Филимонова. – Л., 1969.
21. **Козбарь, Л.И.** Логика в Санкт-Петербургском университете [Текст] / Л.И. Козбарь // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. – СПб., 2003.
22. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1891 года [Текст]. – СПб., 1891.
23. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 года [Текст]. – СПб., 1892.
24. **Ростовцев, Е.А.** «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 годах [Текст] / Е.А. Ростовцев // J. of Modern Russian History and Historiography. – 2009. – Vol. 2. – P. 75–121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доцент исторического факультета СПбГУ.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-96-91 (кафедра)

rostovtsev@hotmail.ru

ROSTOVTSEV Evgeniy A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

rostovtsev@hotmail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013